

DOI 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-240-263

УДК 39

В. В. Симонова

Социологический институт РАН — филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН; Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики»;
Академия наук Республики Саха (Якутия)
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1167-7589
E-mail: v.simonova@socinst.ru

А. М. Сергеев

Санкт-Петербургский государственный уни-
верситет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1553-4238
E-mail: asergeev8@yandex.ru

К. Я. Коткин

Мурманский областной краеведческий музей;
Центр арктических и сибирских исследований,
Социологический институт РАН — филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
Мурманск; Санкт-Петербург,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3281-3036
E-mail: kostyakotkin@rambler.ru

След Левиафана: озерная неформальная рыбалка и социально-экономические нововведения в селе Териберка, Мурманская область

АННОТАЦИЯ. Рыбалка на внутренних водоемах для жителей села Териберка, прежде всего озерный лов, исторически играла и продолжает играть важную социально-экономическую роль. Проекты устойчивого развития, связанные с новым брендом региона, сложившимся после выхода на экран знаменитого фильма «Левиафан» режиссера Андрея Звягинцева, способствовали изменению статуса неформального рыболовства на внутренних водоемах и перевели этот вид деятельности из практики досуга в развитый промысел. Эти изменения произошли благодаря внедрению масштабной туристической инфраструктуры и мощному наплыву туристов, привлеченных новым имиджем места, а также усилению интереса профессиональных рыбаков. Левиафан уверенно и надолго обрел в Териберке свою берлогу. Ресурсные ландшафты — озера и рыбные места — местные жители хранят в секрете,

V. Simonova

Sociological Institute of the RAS: Branch
of the Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of the RAS; Higher
School of Economics National Research
University; Academy of Sciences, Republic
of Sakha (Yakutia)
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1167-7589
E-mail: v.simonova@socinst.ru

A. Sergeev

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1553-4238
E-mail: asergeev8@yandex.ru

K. Kotkin

Murmansk Regional Museum of Local Lore;
Center of Arctic and Siberian Exploration,
Sociological Institute of the RAS: Branch of
the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the RAS
Murmansk; St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3281-3036
E-mail: kostyakotkin@rambler.ru

**The Trail of Leviathan: Lakeside Arctic Fisheries
and Socio-Economic Innovations
in Teriberka Village, Murmansk Region**

ABSTRACT. Fisheries in the inland waters of Teriberka village, primarily lake fishing has been historically played a crucial socio-economic role for local residents. Well being and development projects mostly associated with the new brand of the region “Leviathan” movie produced in Teriberka sea landscapes changed the status of inland waters’ informal fisheries; yet, transferred it from a recreational to a commercial activity. Local residents keep in secret resourceful landscapes: lakes and fruitful fish spots. This secrecy has become a symbolic boundary between locals and newcomers, and also emerged as a new form of local solidarity. Inland water fisheries including lake fishing are a shadow enterprise. In past times, lake fishing was a leisure activity interpreted as a “hiking for beauty” and for changing diet preferences. Yet nowadays emotional experience of this practice was replaced by the garage

и именно наличие этих секретов стало символической границей между местными и приезжими, способствовало появлению новых локальных солидарностей и иерархий. Озерный лов превратился в теневой промысел, а излюбленные «походки за красотой» на озера как эмоциональное проживание сменил гараж с его инфраструктурой, особым распорядком отношений и новыми схемами взаимодействия с рынком и потоками туристов. Озерный лов сегодня — попытка построения социоэкономического баланса между Териберкой как берлогой Левиафана и Териберкой как поморским (как акцентировали информанты) селом с традицией рыболовства, закрытостью, частным характером этой практики. Кроме того, озерная рыбалка — это пространство переосмысления и обновления представлений о богатстве, изобилии, границах с внешним миром и пределах допустимого масштабирования экономических проектов и нововведений.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: неформальное рыболовство, ресурсные озерные ландшафты, культура изобилия, Арктика, Мурманская область

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я: Симонова В. В., Сергеев А. М., Коткин К. Я. След Левиафана: озерная неформальная рыбалка и социально-экономические нововведения в селе Териберка, Мурманская область. *Этнография*. 2024. 4 (26): 240–263.
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-240-263

with its infrastructure, routines, and new schemes of relations with the market economy and flows of tourists. Overall, lakeside fishing is an attempt to create a socio-ecological balance between Teriberka as a “den of Leviathan” and Teriberka as a Pomor village embedded with local tradition and intimacy of fishing. Finally, lakeside fishing is a space of rethinking and renewal of ideas about wealth, abundance, boundaries with the outside world and the limits of acceptable scaling of economic innovations.

KEY WORDS: lakeside informal fishing, resource landscapes, culture of abundance, Arctic, Murmansk region

FOR CITATION: Simonova V., Sergeev A., Kotkin K. The Trail of Leviathan: Lakeside Arctic Fisheries and Socio-Economic Innovations in Teriberka Village, Murmansk Region. *Etnografia*. 2024. 4 (26): 240–263. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-240-263

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы выражаем искреннюю благодарность кандидату философских наук Воронову Василию Михайловичу, участнику проекта, за ценные комментарии; Светлане Евгеньевне Порошиной, волонтеру проекта, за содействие в сборе эмпирических данных и энтузиазм; кандидату биологических наук Дмитрию Людвиговичу Лайусу за внимательное прочтение и глубинный диалог; Ольге Николаевне Николаевой, руководителю Териберского поморского хора, за помощь в организации полевой работы и возможность прикоснуться к прекрасному поморскому музыкальному искусству, а также всем информантам, принявшим участие в исследовании, за искренность и увлекательные рассказы.

ВВЕДЕНИЕ: БЕРЛОГА ЛЕВИАФАНА

Село Териберка производит амбивалентное впечатление, в первую очередь — из-за архитектурного ансамбля. Дорогие современные рестораны и творчески оформленные туристические пространства, яркая реклама занятий, которыми может развлечь себя турист в ландшафтах северного поселка, и креативные уличные фотовыставки соседствуют с полуразрушенным и ветхим жилым фондом. Берег Баренцева моря оформлен в стиле современных площадок отдыха: можно даже сфотографироваться на знаменитом железном троне, напоминающем трон из известного фэнтези-сериала «Игра престолов». При этом поблизости стоит едва заметный маленький домик с одним лишь небольшим окошком: здесь с давних пор прощались с усопшими и готовили покойников к погребению. До масштабных нововведений село уже вызывало схожие чувства у социальных ученых:

Для человека, впервые попавшего в Териберку, поселок предстает местом контрастов: с одной стороны — уникальная природа Кольского побережья Баренцева моря, красивая своей суровостью: бескрайние морские просторы, крутые высокие скалы, покрытые тундровыми мхами и редкими низкими кустарниками, а с другой — удручающие следы разрушающей деятельности человека: брошенные ржавеющие останки катеров и мелких судов, разваливающиеся дома, грязь и мусор на улицах и вокруг поселка, а на выезде из поселка к берегу моря — большая мусорная свалка. Недаром именно этот поселок был выбран режиссером А. П. Звягинцевым в качестве места съемок фильма «Левиафан». При его восприятии действительно возникают апокалипсические чувства по отношению к подобной «созидательной» деятельности человека (Цылев 2015: 118).

Вторая часть села — Лодейное, находящееся в пяти километрах от центра села, — похожа на классический северный поселок с довольно развитой

инфраструктурой, многоэтажными домами, детскими площадками, гаражами. Они, кстати, являются важнейшим компонентом социальной и социально-географической организации северных жилых пространств.

С 1930 г. по конец 1980-х гг. Лодейное было самостоятельным поселком: аванпортом для остановки рейсовых пароходов. Здесь же размещались судоремонтные мастерские, но тридцать лет спустя поселок Лодейное был официально включен в состав села Териберка.

Архитектурно-пространственные парадоксы не могут оставить равнодушным наблюдателя, поскольку красноречиво повествуют о веяниях времени и стремительной трансформации, неожиданно произошедшей с поморским селом¹. Такими изменениями и усилением туристических потоков Териберка обязана известному фильму режиссера А. Звягинцева «Левиафан», вышедшему на экран в 2014 г. Сюжет фильма заключается в попытке представить и осмыслить неравную борьбу человека с государством. Государство, в соответствии с социально-политической теорией Т. Гоббса, режиссер фильма видит страшным библейским чудовищем², это живой организм, самовоспроизводящийся в своей слепоте по отношению к отдельному человеку. Фильм получил широкую известность, а живописные ландшафты Териберки увидели миллионы зрителей, и их восхищение красотой и относительной доступностью этих мест привело к масштабным изменениям — появлению здесь современной туристической инфраструктуры.

О Териберке заговорили как о доступной Арктике, в которой, помимо обычной разрухи, есть еще и наглядная романтика Севера, и достойная туристическая инфраструктура, завораживающий морской берег, уютные отели и рестораны, смотровые площадки на скалах, морские прогулки, легендарное северное сияние.

Чудовище Левиафан уверенно обрело свою берлогу в Териберке, где чувствует себя вполне комфортно, и покидать ее, по всей видимости, не намерено. Неожиданно именно популярность фильма принесла новые экономические возможности (и их негативные эффекты) и спровоцировала изменения облика села, его социокультурного ландшафта, жизненного мира и практик его жителей.

Новые инвесторы торопились занять самые удачные позиции и начали активно продвигать современные туристические проекты и маршруты. По всей видимости, сама идеология фильма «Левиафан» стала сильным

¹ Используя определение «поморский», мы идем от самоидентификации наших участников интервью, хотя большинство этнографов и не относят Териберку, как и весь Мурманский берег, к территориям проживания поморов (Бернштам 1978).

² Если следовать классической политологической теории, например С. Хантингтону (2003), то фильм должен был бы называться «Бегемот», так как именно этот библейский образ был принят для описания российской и советской политических систем американскими кремлинологами, тогда как Левиафан есть не что иное, как библейская метафора англосаксонского устройства государства и общества.

и эмоциональным мотивом и для местных жителей в том числе. Во время интервью в администрации поселка Лодейное мы стали свидетелями спонтанного диалога в «левиафановском» жанре между сотрудниками: согласованный почти год назад и запланированный на тот день, когда мы были в поселке, снос полуразрушенного сарая вдруг натолкнулся на неожиданное сопротивление местного жителя, который буквально «встал грудью» с требованием убрать технику и остановить разрушение ветхой хозяйственной постройки.

С подобной эмоциональной привязанностью к уже утратившему способность полноценно функционировать жилому и нежилому фонду соседствует контрнарратив о малоэффективной политике по сносу ветхого жилья и переселения нуждающихся в нормальные «человеческие» условия.

Разумеется, такое стремительное нововведение, как активный туристический бизнес, не могло не сказаться на всех сторонах жизни села и не вызвать разные суждения о самих изменениях. Практика неформального рыболовства на внутренних водоемах также подверглась существенным трансформациям и стала играть другие, по сравнению с долевиафановской эрой, социальную и экономическую роли.

Предлагаемая статья является частью серии исследований браконьерства на внутренних водоемах Мурманской области и фокусируется на изучении этого феномена в селе Териберка. Несмотря на близость моря и распространенность морского рыболовства, рыболовство на внутренних водоемах занимает среди интересов местных и приезжих профессиональных рыбаков и любителей далеко не последнее место.

В работа мы раскрываем, что значит рыболовство на внутренних водоемах для населения Териберки сегодня, в период масштабных экономических преобразований села. Как изменилась социальная функция этого вида деятельности и что оно дает для понимания социально-экономического и культурного устройства арктического села?

В статье представлены история развития практики неформального рыбного лова, прежде всего озерного, и его значение для локальных социально-экономических институтов, изменение социального статуса озерного рыболовства от досугового к промысловому, а также рассмотрен вопрос о том, каким образом рыболовное браконьерство на реках и озерах привело к возникновению новых коммуникативных моделей с приезжими туристами и рыбаками.

В целом в исследовании рассматривается неформальное речное и прежде всего озерное рыболовство как социально-экономический институт, реагирующий на экономические, инфраструктурные и технологические нововведения и зависящий от них. Этот социально-экономический институт меняет свои социальные роли и «фасад», но значение его для экономики местных домохозяйств и идентичности жителей села, а также для уникальной культуры поморов остается неизменным.

«ГАРАЖНЫЙ МЕТОД»: КОНТЕКСТ И ТАКТИКА ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ

Классический замысел любого социологического и социально-антропологического исследования строится на сборе информации от первых лиц: тех, кто осуществляет деятельность, которая представляет исследовательский интерес. Однако методика сбора эмпирических данных зависит от самого поля: есть место и время, где люди разговаривают с исследователем более охотно, есть контексты, в которых получить расположение информанта практически невозможно, и каждый раз это будет открытие и новые вызовы для исследователя.

Например, мы помним, что в позднесоветском Ленинграде (да и в Санкт-Петербурге молодой Российской Федерации) лучшим местом для бесед была кухня (Рис 2005), иногда — пространство лестничной клетки, и только спустя годы постепенно такие публичные места, как «кафешки», стали использоваться социологами для встреч и записи интервью на диктофон. Однако еще долгое время информация, записанная на диктофон в интимном пространстве кухни, сильно отличалась от сведений, записанных в полумраке стильного кафе.

Российская европейская Арктика также имеет свою методическую специфику с точки зрения оптимального места для бесед, в нашем случае это место — гараж. «Идти в гаражи» нам посоветовали местные жители, чтобы найти рыбаков и поговорить с ними. Гараж как особое социальное явление уже рассматривался социологами — однако лишь как обратная и конфликтная сторона эстетизации и коммерциализации российского мегаполиса (Тыканова, Хохлова 2014).

К сожалению, полноценных исследований гаражного быта как маскулинного креативного пространства этноэкономических институтов Арктики, порождающей и воспроизводящей особые формы северной идентичности и хозяйства, проведено не было. О гаражах в Ловозере как о значимых социально-экономических пространствах рыбаков упоминает Ю. Константинов: «Гараж можно назвать “вторым домом” для большинства мужчин села. Помимо самой рыбалки, общение в гаражах и обмен доходами, выходящими за рамки семейного потребления, имеет значение для создания прочных социальных сетей и формирования особого стиля жизни» (Konstantinov 2023: 257). В. Владимирова (2006: 260) также отмечает гараж как место хранения нелегально добытых ресурсов тундры для последующей продажи или бартерного обмена.

В нашем исследовании гараж неожиданно показал себя одновременно как метод *ad hoc*, контекст и площадка практической реализации продуктов неформального улова. Арктический гараж — это многофункциональный узел смыслов, практик, мнений и идентичности. Гараж — своего рода сакральная кухня неформальной экономики арктических сел со структурно доминирующим патриархатом. Последний факт подтверждается также

достаточно низким процентом женщин, вовлеченных в Мурманской области в сектор неформальной экономики (Konstantinov 2018). Иными словами, гараж — маскулинная зона, зона мужчин³ как основных акторов неформальной экономики (в нашем случае — рыболовства на внутренних водоемах).

Предлагаемая статья основывается на эмпирических материалах, собранных в основном «в гаражах» среди местных рыбаков. В эмпирическую базу также вошли беседы с работниками администрации, библиотеки, короткие разговоры с прохожими и квартирный опрос. Некоторые беседы по желанию информантов не фиксировались на диктофон. Данные получены у 22 человек, из них 9 не отказались от записи разговора на диктофон, сбор материала проводился в августе 2022 г. Основным критерий отбора информантов — участие в практиках неформального рыболовства или сопричастность (например, информантами могли быть члены семьи рыбака или продавцы улова), а также биографический опыт длительной жизни в селе (не менее пяти лет). Особенно интересны информанты, родившиеся и всю жизнь прожившие в целевом регионе. Только старожилы могут прокомментировать общий лейтмотив социальной памяти памятью индивидуальной, то есть соотнести исторический дискурс о рыболовстве с собственными воспоминаниями и опытом. В исследовании приняли участие мужчины и женщины разных возрастов. Беседы, когда аудиозапись не делалась, велись также с гостеприимными жителями села в уютной атмосфере северного застолья.

«СЛАБОУМИЕ И ОТВАГА»⁴:

ВИТАЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМАЦИЯ БРАКОНЬЕРСТВА

*Рыба моя*⁵

Феномен рыболовного браконьерства как сектора неформальной экономики Арктики и вообще Севера практически не изучен, и опираться на

³ Стоит отметить, что социальный уклад Российской Арктики имеет черты «матриархального» (по данным эмпирического материала авторов, работа над которым ведется в настоящее время). То, что гаражи располагаются на окраине жилого пространства, говорит об уважительной дистанции неформально-экономического производства от пространства принятия решений, то есть домашнего пространства. Такое географическое деление может свидетельствовать о высоком положении женщины и женских практик в арктических сообществах.

⁴ Российский мем, появившийся в 2009 г. и означающий рискованное и безрассудное поведение. Кроме того, так можно охарактеризовать азарт, задор в деле, где с таким отношением все будет непременно спориться. Отчасти выступает как синоним «на авось». Само выражение «слабоумие и отвага» стало крылатым. См., например, на сайте, где собраны мемы: URL: memepedia.ru (дата обращения: 23.05.2024).

⁵ «Рыба моя» — может почитаться как шутивное обращение к девушке или жене, принятое в нашей коммуникативной культуре. Однако здесь идет речь о присвоении ресурса, который таким шутивным образом звучал во время беседы. «Рыба моя» — метафора культурной интимности местных жителей в отношении ресурса, демонстрирующая, что процесс присвоения носит глубоко личный и повседневный характер.

системный опыт предшествующих исследований попросту невозможно из-за отсутствия такового. В то же время с первых попыток подхода к теме в разных регионах России мы сталкиваемся с взаимоисключающими экспертными мнениями относительно успеха этого предприятия. С одной стороны, локальные эксперты нам говорят, что никто ничего не расскажет и все будут хранить молчание и попытаются скорее отделаться от вопросов, поскольку эта тема слишком конфиденциальна и закрыта («Т-сс! Об этом нельзя говорить! Никто ничего не скажет!»), а с другой стороны, мы наблюдаем высокую степень открытости и нарративное бесстрашие информантов, вовлеченных в неформальный рыбный промысел. Разумеется, не все без исключения готовы рассуждать на тему рыболовства, но особых проблем в поиске информантов у нас не возникало.

То есть, за редким исключением, те, кто не вовлечен непосредственно в браконьерский промысел, транслируют устойчивое мнение о закрытости сообществ, практикующих неформальный вылов, и соответственно о невозможности изучить данное социальное явление. В то же время сами браконьеры вполне открыто, насыщенно и слаженно могут говорить об интересующей нас стороне социально-экономической и экологической жизни села — их собственной повседневной реальности. Тем более что гараж располагает к смелости суждений, поскольку представляет собой не индивидуальное место, но коллективное, где каждый вписан в сеть «гаражной философии», и эта сеть дает моральную защиту самой себе и составляющим ее элементам.

Откровенный диалог с двумя браконьерами средних лет показал полное отсутствие страха перед незнакомцами, расспрашивающими о весьма деликатных вещах. Отсутствие страха суждений о теневом промысле рыбаки соотносили с коллективом: все так живут. Более того, диалоги в гаражах открывали для нас поразительную зону коммуникации, где информант чувствовал себя полноценно и в «своей тарелке» и уверенно вел весьма раскрепощенный диалог.

Несмотря на то что местные рыбаки осведомлены об активности рыбоохраны («Конечно, инспекция ходит же и по тундре. Они изымают, если неправильные орудия лова. И суда. Есть определенная рыба, которая не соответствует размерам, либо ты много поймал. Это все пересекается» (ПМА 2022⁶), лицензионное рыболовство не представляется выгодной

⁶ Полевые материалы представляют собой расшифровки глубинных интервью, которые носили как индивидуальный, так и групповой характер. В статье в основном используются материалы, собранные одним из соавторов статьи — В. В. Симоновой и волонтером проекта С. Е. Порошиной летом 2022 г. в с. Терiberка. Речь идет о 8 интервью, каждое продолжительностью от 40 минут до полутора часов. Всего исследовательским коллективом (соавторами статьи К. Я. Коткиным, В. В. Симоновой, волонтером проекта С. Е. Порошиной, а также еще одним участником проекта В. М. Вороновым) в различных населенных пунктах Мурманской области в течение 2022 г. было взято 28 глубинных интервью, в течение 2023 г. — 30. Респонденты — в основном местные жители, в той или степени, вовлеченные в неформальный вылов рыбы, а также представители местной власти, рыбинспекции, научных и общественных организаций. К полевым материалам также относятся фрагменты

делкой с государством: «Ни разу не покупали. Легче штраф заплатить, если поймают. Последний раз мне в 75 000 рублей обошлось. Таскают в Мурманск, вот что фигово, раз по десять ездишь» (ПМА 2022). Неудобства браконьера связаны не столько с финансовыми потерями, сколько с логистическими мытарствами, тратой времени, поскольку регулярные поездки в Мурманск кажутся чересчур утомительными, и это, пожалуй, гораздо больший стимул к осторожности, нежели денежные риски и штрафы.

Стоит отметить, что «безрассудство» не ограничивается только собственными нарративами, распространяясь на разные сферы жизнедеятельности. Например, информант отказался от помощи врачей после получения серьезных травм:

Ногу сломал. Повредился об причал старый, в трех местах позвоночник сломал. Сейчас ходим (о себе во мн. ч. — В. С., А. С., К. К.). Пролежал полгода дома, на костылях, так расхотелся. Сейчас уже так хожу. Без врачей. Хотели везти в Мурманск, а дорога такая у нас. Меня пока везли с причала, я несколько раз сознание терял. Меня домой затаскивайте и больше никуда. А то бы не довезли. Когда при смерти только увозят, а так сорок тысяч рублей в час было. Сейчас не знаю сколько (ПМА 2022).

Рассказ об этих событиях велся с гордостью, поскольку в своем поведении, на первый взгляд безрассудном, информант видел отражение характера настоящего, независимого и сильного промысловика, которому все нипочем, которому едва ли не в буквальном смысле море по колено.

Неформальное рыболовство на внутренних водоемах в Териберке составляет важную часть экономики домохозяйств. Улов идет на личное потребление и продажу: «С моря тоже все продаем. Куда нам? Себе на зиму налавливаем, остальное продаем» (ПМА 2022).

Идентичность рыбака в Териберке имеет гораздо более индивидуалистические черты, нежели, например, на полуострове Камчатка: «Промысел в крови. Я помор, один в море хожу, сейчас просто поломался» (ПМА 2022).

Феномен браконьерства, озерного и речного, имеет связь с межпоколенной трансмиссией и укоренен в моделях воспитания детей и роли отца в их жизни: «На рыбалку мужики, которые взрослые, которые с детства

бесед, в которых респонденты отказывались разговаривать под аудиозапись и давать интервью, но были готовы на короткие беседы в формате «вопрос-ответ» без записи. Все интервью брались на условиях полной анонимности. Авторским коллективом было принято решение не раскрывать каких-либо данных респондентов. Разглашение данных было бы неуместно, во-первых, из-за специфики предмета исследования, во-вторых, из-за того факта, что большинство интервью было взято в небольших населенных пунктах, в-третьих, из-за того, что многие респонденты выражали согласие на интервью только в том случае, если о них «ничего и нигде не будет известно». В силу этого здесь и далее приводится ссылка в формате (ПМА 2022).

ходили со своими отцами на рыбалки на эти озера. Приезжают, конечно, много и на озера ходят». Важная роль рыбалки в социализации детей делает эту практику устойчивой. Для некоторых она остается основной индивидуальной и семейной экономической стратегией, а для других превращается в вид приятного времяпрепровождения: «Это вид досуга. Никто рыбой одной не живет. Вид досуга...» (ПМА 2022).

Рыбалка, гараж и отвага — териберкинская триада, связанные коллективные опыты и переживания, витальная структура идентичности браконьера. Именно их взаимосвязь формирует устойчивые социальные представления о северной поморской маскулинности, маскулинном пространстве реализации, мастерстве рыбака, силе духа и неуязвимости. Эта связь и представляет собой витальность браконьерства. Она одновременно легитимируется посредством воспроизведения в повседневных практиках и рассказах.

ОЗЕРНЫЙ ЛОВ: ОТ «ПОХОДИКОВ ЗА КРАСОТОЙ» К ПРОМЫСЛУ И СЕКРЕТАМ

Море для всех, а озера наши...

Советское прошлое села связано с деятельностью колхоза-миллионера, экономического и инфраструктурного узла Териберки:

Большой колхоз, миллионер был, это сейчас он развалился. У меня еще отец здесь ходил в [19]60-х годах, когда здесь огромный миллионер-колхоз считался. У них свои фермы были, свиноводник, крольчатник, птичник был, это все. В город возили продукцию. Это сейчас все развалилось, колхоз развалился. Раньше от колхоза пароходы ходили, возили рыбу. На маленьких судах ходили. <...> В Мурманске была построена база, она здесь существовала. Но там большой порт построен был в [19]60-х годах. Соответственно, большие суда стали выходить, туда же ушел наш колхоз, офис появился там, в Мурманске. Соответственно, вот эти маломерные суда не стали погоду делать. Здесь не было рыбообработки как таковой. Здесь было обслуживание судов. Это судоремонтные мастерские, сетевязальная фабрика. Все это было направлено на обслуживание. А на рыбообработку как таковую — нет. Но был частный вылов, териберчане как раз могли за счет этого жить (ПМА 2022).

Биографии отдельных рыбаков говорят нам о представлениях того времени, о восприятии поморского села как центра, к которому стремятся, как места изобилия и спасения от нужды:

У ее отца, у деда Таниного, был ледник. И она говорит, они заготавливали лед заранее в зиму, в промерзлую зиму докапывались дотуда. Укладывали

эту рыбу. Потом сверху ягоды, воронику — сохраняла очень хорошо, воронику как раз использовали. Мох, ягель. Это все укладывали штабелями такими, рядами. И рыбу потом использовали в зиму. Солили, естественно, вялили. Сюда дед приехал, потому что здесь можно было жить, кушать было что, рыба была. От голода бежали. После войны у меня мама родилась, в 1947 году. У меня дед приехал из Нижегородской области, семью привез, у него четверо детей было. Там, в центре России, практически нечего было есть, карточная система, а здесь все-таки была свобода вылова (ПМА 2022).

Териберка воспринималась как ресурсное место, которое постоянно обновляло свои ресурсные возможности:

А потом же здесь краба запустили. В Зеленцах был Мурманский биологический институт, филиал. Краб очень быстро занял акваторию. Его очень много у нас. Но до прошлого года нельзя было вылавливать, совсем был запрет на ловлю крабов. Сейчас есть квоты, лицензии. Местные краба уже все наелись. В [19]90-е годы его тут ловили все кому не лень. Его очень много было. И сейчас много (ПМА 2022).

Село Териберка считалось богатым, поскольку люди могли обеспечивать себя своим трудом. Ресурс был доступен, и «жили тем, что здесь растет, что здесь водится. Охота, рыболовство, грибы, ягоды — этим и жили. Ледники были в домах, которые сохраняли это все. Это было действительно очень богатое село. Здесь можно было прожить семьям за счет своего труда» (ПМА 2022).

Практика «ходить на озера» была и остается социально встроенной. Поход на озера является частью габитуса, вписанного в структуры повседневных миров и обыденных классификаций деятельности териберчан: «Мой муж туда ходит с десятилетнего возраста, ему сейчас 63 года. Неужели он не пойдет? Конечно, он ходит» (ПМА 2022).

И морской, и озерно-речной промыслы всегда были в сознании и практике местных жителей, обретая легитимность через социальную память. Если на вылов морской трески лицензии не требуются и ограничен только объем (не более 100 кг в сутки), то на вылов семги и иных озерных рыб нужно официальное разрешение. Рыбный ассортимент настолько встроен в повседневность териберчан, что некоторыми информантами не воспринимается как часть их рациона и экономики домохозяйства: «Это развлечение, которое идет через всю жизнь. Но это совершенно необязательно подспорье в семье теперь. Морозилки, конечно, все дома держат, само собой, рыбку-то надо как-то хранить. Естественно, готовят из нее. Но это совершенно необязательно. Потому что есть магазины, можно купить» (ПМА 2022).

В принципе подобные суждения касались также и дикоросов. Это очень интересное мнение, которое было высказано именно женщинами. То, что приносит радость в процессе присвоения, не считается подспорьем. Экономический ресурс — это то, что достается большим трудом, а озерная рыба, грибы и ягоды, согласно этому мнению, не собираются «ради того, чтобы прокормить себя в зиму» (ПМА 2022).

В этом случае мы сталкиваемся со своего рода символическим представлением о достатке и трудовой морали териберчан: если не набрать ресурса вдоволь — лето прошло зря. «У меня у бабушки если вот таких три мешка холщовых не было насушено грибов, так это лето прошло даром. И варенья куча наварена, и всего. Как вспомню, все по сопкам все лето собирали ягоды» (ПМА 2022).

То есть такие большие запасы на зиму, позволяющие сэкономить и потреблять экологически чистые продукты, не воспринимаются всерьез, потому что являются результатом «походика за красотой»:

Приезжают бывшие териберчане, их же много уехало, ностальгируют. Приезжают, для них такая радость пойти в сопки. На самом деле сопки — это отдых. Что там говорить? Это красота. У меня были с детьми походики за красотой, я их так называла. Потому что дети у нас меркантильные, особенно в то время, это [19]90-е года, начало 2000-х. Они у меня все с мешками. Причем только зашли на горы, начинается: дети, вы же устанете, вы же потом все равно устанете, будете ныть, скажете: «поехали домой» (ПМА 2022).

Изыятие ресурса местными не воспринимается как браконьерство, поскольку «не вылавливают тоннами», но только — «пирожки испечет с рыбой, калитки наши северные, больно хорошо. Так, для себя, чисто покушать».

Пожалуй, в редком месте можно отнести к собирательству и рыбалку, а Териберка может похвастаться возможностью собирать сачком мойву на песчаном морском берегу во время нереста весной. Однако Левиафан построил в Териберке свою берлогу и пригласил туда гостей, которые повели себя, по мнению местного населения, как нарушители баланса в отношениях природы и человека:

А как раз приезжие нарушают баланс. Когда вот мойва идет, они же начинают вести себя неправильно. Когда-то, помнишь, эту же мойву можно было любому набрать сколько угодно. Она подходила к берегу, косяк. И бабушки-старушки, все с пакетиками. Ее прямо выбрасывает на берег. Да. Теперь они туда ее шугают в море. Такие с капюшоном термокостюмы, водолазные (ПМА 2022).

Приезжие туристы и профессиональные рыбаки, исходя из вышеизложенного нарратива, нарушают не только отношения «человек — рыба»,

но и социальные отношения. Обмен мойвой был настоящим праздником, укрепляющим добрососедские отношения, поддерживающим социальное представление о селе как о богатом крае, где всегда можно жить в изобилии, зарабатывать собственным трудом.

Левиафан все изменил. С одной стороны, он подтвердил репутацию села как постоянно обновляющего свои ресурсы места и ее центристский статус. Териберка не перестала быть богатой, а, наоборот, приобрела богатство через коммодификацию самой себя. С другой стороны, Левиафан изменил ландшафт села и заставил иначе взглянуть на «походики за красотой», пересмотреть социальные формы взаимодействия с приехавшими за тем же самым, за чем когда-то прибыли предки и самих териберчан: ресурсом и красотой.

Кто же они, гости Левиафана? Социальные группы, проявляющие интерес к Териберке, разнообразны, однако их можно условно разделить на две: искатели красоты и ресурса. Первые — туристы, приезжающие за впечатлениями и отдыхом, вторые — профессиональные рыбаки. Если первые не являются какой-то единой общностью, это могут быть приехавшие из самых разных уголков России, то вторые воспринимаются местными как «анклав» какого-либо региона, чаще всего — Вологодской области. Вологодские рыбаки, таким образом, становятся гораздо более обозримым объектом наблюдения для местных, нежели туристы. Они подвергаются критике с точки зрения нарушения норм поддержки порядка в окружающей среде:

С одной стороны, хорошо. Инфраструктуру хоть какую-то — занялись, делают. С другой стороны, наплыв, конечно, большой. Туристы, бывает, за собой много мусора оставляют, это да. А так... Это не наши местные. Это приезжают из средней полосы, из Питера, из Москвы. Они приезжают с катерами. Почистили, себе наварили, бросили все и уехали. Они как? Не мое — не жалко. Раньше такого не делали. Со всей России. Из Рязани, Вологды, из Тамбова, Самары. Вся Россия тут... Туристы, например, рыбы наловят, нашкерт ее, бошки кидают... Медведь недавно ходил, с полмесяца назад. Они выкидывают остатки — медведи сюда приходят. Туристам-то что? Они приехали, половили, пожрали и уехали... Такого нет, медведи не приходят. Да, туристы приезжают, ловят рыбу. Приезжают на берег, начинают чистить. Конечно, эти бошки, весь берег, мне лично это не нравится. Потому что весь-весь берег в бошках. Кишки, бошки. Это все пошкере. Никому не нравится. Потом начинают мухи летать, это все сжирают. Понятно, да? (ПМА 2022).

Оставленные после разделки рыбы головы («бошки») и потроха в большинстве случаев «приписываются» «пришлым рыбакам», а не туристам. Поскольку здесь мы наблюдаем явное ресурсодобывающее

действие, тогда как туристу достаточно малого количества и впечатлений, иногда даже чисто эмоционального приобщения к рыбалке: выловить рыбу и отпустить ее, насладившись азартом. По мнению многих информантов, описанное в цитате поведение свойственно преимущественно «пришлым рыбакам» и — редко — туристам. Туристы видятся как нежелательная группа по причине ее размеров: большинство мест куплены для туристов, и «лодку поставить некуда». Иными словами, сам процесс рыбалки становится публичным, открытым, нуждается в навыках поиска новых мест и переговоров с новыми непонятными людьми, которые заняли уже привычные рыбные места.

Туризм как часть экономики села оценивается териберчанами амбивалентно: она есть в общем, а в частности ее нет.

Для меня плохо. Почему? Потому что туризм здесь нафиг не нужен. Потому что вытаптывают все наши достопримечательности. Я лично денег не получаю. И никто не получает. Отдельная часть, у кого катера есть, снегоходы — да, они получают деньги. Я лично ничего не получаю. А как считают, что, вот, вы живете за счет туризма. Мы жили до туризма нормально. Ребята есть, которые зарабатывают. В основном сейчас строят гостиницы. А зимой ребята катают туристов на «буранах», летом — на квадроциклах, на лодках в море (ПМА 2022).

Итак, новые социальные группы осваивают Териберку как берлогу Левиафана, но не как место с историей и биографиями его жителей, имеющих собственный уклад и промысловые традиции.

И туристы, и «пришлые рыбаки» появились в жизни териберчан примерно одновременно. Первые приехали за романтикой доступной Арктики, чему способствовали проект развития туристической инфраструктуры и новый бренд села, а вторые — за ресурсом, чему также содействовали развитие туристической инфраструктуры и репутация новой истории края.

Морская рыбалка утратила свою «интимность» и «сакральность» с приходом библейского чуда-юда, но вот рыбалка на внутренних водоемах получила новый виток развития и локальные интерпретации. Именно этот вид неформального рыболовства перенял социальные черты рыболовства, принятого в Териберке. Озерный лов стал вместо досуга теневым промыслом, а значит, скрепил локальное сообщество принципом секретности, что позволяет сохранить не только прежние формы отношений «человек — рыба», но и сами внутрисоциальные модели взаимодействий.

Секретность — это инструмент контроля циркуляции и реципрокации экологических знаний в локальном социуме (Симонова 2021). Г. Зиммель (Simmel 1906) говорит о секретности как о форме

«внутренней собственности». Секретность озерного лова является в этом понимании собственностью и коммодифицируется внутри локального сообщества териберчан, она не направлена вовне. Секретность — это не в последнюю очередь дискурсивное явление (Сирагуза 2018), что мы также наблюдаем в языковых играх браконьеров (Сергеев и др. 2022). О практиках сокрытия писали классики социальной антропологии в рамках анализа «секретности» различных обществ и культур (Voas 1897; Evans-Pritchard 1931). Секреты составляют основу социальных институтов (Taussig 1999). В Териберке мы наблюдаем, как озерное рыболовство посредством секретности обрело новый социальный и экономический смысл.

Предпочтение рыбалки на озерах связано с местами, известными только местным жителям, такими, где рыбоохрана не особенно активна. В то же время у многочисленных туристов, которые посещают поселок, отсутствует интерес к озерной рыбалке:

Приезжие редко на озерную приезжают, они только на морскую. С апреля по июнь здесь как раз сезонный лов идет, нерест, поэтому едут со всей страны. И осенью едут. В сентябре приедут еще рыбаки. Но они занимаются морской рыбалкой в основном. У нас же там есть пароходы, которые их возят на рыбалку. Я не знаю, у них сделано законодательно, они браконьерством не занимаются, они ходят по расписанию (ПМА 2022).

На озерах, согласно правилам рыболовства, запрещено вылавливать рыбу, которая меньше установленной длины. Местные жители говорят об этом ограничении как о принципе размерного ряда: рыбу определенного размера (меньше установленного стандарта) вылавливать запрещено. Этот норматив вызывает нарративные протесты у местных жителей, так как «рыба почти вся маленькая». Для активно вовлеченных в браконьерский промысел информантов, у которых такая рыбалка «в крови», туризм предстает негативным явлением: «Во (отлично. — *Примеч. ред.*) жили. Вот. Когда дороги не было. Вообще, когда дороги не было, пароходы только ходили, жили отлично, всего было полно. Сейчас выгребают подчистую. Все выгребут. Нам бы хватило, местным» (ПМА 2022).

Рыбалка на внутренних водоемах является частью жизненного разнобразия, которое характерно не только для мужчин, но и для женщин. Здесь можно проследить параллель: сходные явления мы наблюдаем в Якутии при изучении неформального сбора дикоросов (Симонова, Самсонова 2022). Как и там, стоит отделять промысел от занятия и в контексте неформальной рыбалки на внутренних водоемах Мурманской области. Промысел — это в основном маскулинная практика, а в рыболовство как повседневное занятие досугового характера вовлечены и женщины: «У меня уборщица работала, Наталья, у нее семейное

такое увлечение. Ей ничего не надо, кроме рыбалки. И они в море редко выходят» (ПМА 2022).

Стоит отметить, что неформальные рыбаки села Териберка при взаимодействии с туристами следуют тактике «антикаюинства»⁷. С одной стороны, быть проводником в ландшафтах — это возможность заработка, с другой стороны, современные технологии превращают этот заработок в одноразовый и ударяют по ресурсу, который сельчане считают уже освоенным и своим. Если показать рыбное место один раз, то второй раз услуга проводника уже не нужна: «Они [туристы] выбивают и все. Мы им на хрен не нужны. Сейчас GPS есть, нафиг нужно кого водить. Один раз провел и все, ты ненужный» (ПМА 2022). Поэтому каюры как локальный институт практически отсутствуют.

Помимо классических литаний относительно мусора, оставленного туристами, существуют еще два устойчивых нарратива: о рисках истончения границ между миром человека и миром животных и об истощении самого ресурса. Для предотвращения этих угроз местные жители используют принцип секретности, который стал неписаным законом рыбака и пространством столкновения разных моралей и представлений о легитимности рыболовства (Wilson 2002; Davydov, Simonova 2016), позволяющим местным жителям поддерживать свою идентичность и эмоциональную независимость от экономических нововведений в виде развития туризма:

На озера ходят только чисто наши, я так думаю. Потому что туристы не знают, троп не знают, это далеко, поблизости тут ничего нет... Никто не повезет. Стоит показать только озеро — ни черта не останется. Выдерут все. Сетки поставят, все выдерут. А зачем нам это надо? Мы ходим, не надо им знать. Вон морская. Просто опустошат все озера (ПМА 2022).

Здесь проявляется риторика бережного отношения к ресурсу в противовес хищническому. Декларация заботы, как и языковая игра сокрытия мест лова, встречается и в других частях Мурманской области: «Конечно мы грабим природу, но грабим ее в меру, в силу. Есть граждане несознательные, но поймать бы этих граждан и про сознание рассказать. Это коллективная мечта рыбака» (ПМА 2022).

Несмотря на то, что сами местные жители не оценивают озера как места изобилия («здесь озер много, но в озерах рыбы мало»), они ревностно охраняют знания о них. Делиться ресурсом и делиться ландшафтом,

⁷ Каюра — проводник из представителей коренного, местного населения. Как правило, каюра ассоциируется с погонщиком оленей или собачьей упряжки. На Севере термин употребляется по отношению к представителям местного населения, знающим местность и готовым оказать услугу, сопроводив путешественника. В советское время каюры сопровождали геологоразведку. Сейчас эта профессия зачастую ассоциируется с этнотуризмом.

где этот ресурс обитает, — не одно и то же (Симонова 2021), и этот вывод может быть экспортирован из таежного контекста в европейскую Арктику: «Не покажу. А зачем? Я покажу и на следующий день пойду — они уже будут там сидеть. Зачем мне это нужно? Нет. Рыба моя, всё. Я всю жизнь ловил и буду ловить» (ПМА 2022).

Воспоминания местных жителей о рыбалке имеют определенную «динамику». В советское время рыбалка (прежде всего в озерах) воспринималась преимущественно как досуг, поскольку исторически поморы выходили рыбачить в море. Озерная рыба представляла собой дополнительный ассортимент, «разбавляя» основной продукт питания — морскую рыбу.

В настоящее время существует конкуренция между местными и приезжими рыбаками (многие профессиональные рыбаки, по большей части из Вологодской области, приезжают именно на рыбалку, на промысел и не могут считаться туристами). Ведется усиленный контроль со стороны надзорных органов. Эти процессы изменили статус неформального рыболовства во внутренних водоемах области и перевели его из занятия в промысел. Данный вид рыболовства стал в гораздо большей степени опорой экономики местных домохозяйств. Эта тенденция подтверждает «магистральность» (Головнёв 2009) жителей села Териберка.

Озерную рыбу можно приобрести все в тех же гаражах, так же как и многие другие виды морских ресурсов и дикоросы. Интернет-продажа развита слабо. Запасы рыбы в гаражах хранятся в морозильных камерах (раньше солили в бочках). Рынок сбыта можно назвать стабильно хаотичным:

Она и зимой ловится. Если камера на тонну стоит дома. Три камеры на тонну всего. Накидываем да накидываем. Кто нарисуется — продадим. Мы и зимой ловим. Чего нам заготовливать. На подледном ловим. Если заказы есть. Сколько ловится — столько ловим, до упора. Все, что шевелится, выбиваем. Семга, крабы, кумжа, голец, хариус, сизи (ПМА 2022).

Запасы местные жители делают не только для себя, но обязательно и для родственников, живущих в Мурманске. То есть реципрокальные связи «село — город» укрепляются посредством циркуляции ресурсов (в данном случае — рыбы, в том числе озерной). Подобные тенденции характерны для сообществ коренных малочисленных народов Севера различных арктических зон, и эта тенденция показывает, что само определение этноэкономического института⁸ стоит расширить. Даже если рыбак

⁸ Этноэкономический институт — одно из понятий экономической антропологии, которое распространяется на представителей этнокультурных групп. Наше исследование показывает, что это понятие может быть использовано в отношении локальных групп, практикующих неформальное природопользование.

не заготавливает рыбу на продажу, он все равно будет ловить для себя и соседей круглый год.

Связи «село — город» включены в рецепрокальные этноинституциональные связи и должны учитываться как основа социальной структуры Арктики. Еще одним аргументом в пользу продажи рыбы туристам является изобилие ресурса и повседневная «усталость» от него: «Не будешь каждый день рыбу есть. Кто приезжает, им рыба в диковинку, а нам она уже обрыдла». Добыча ресурса, как и его реализация, носит регулярный характер: «Я съездил, вынес пять килограммов — все. Я живу, как говорится, на этой рыбе. Есть погода — поехал, нет погоды — я не поехал» (ПМА 2022).

Рыбалка на внутренних водоемах (прежде всего озерный лов) исторически играла и продолжает играть важную социально-экономическую роль в жизни териберчан. Проекты социально-экономического развития способствовали изменению статуса этого вида неформального рыболовства и перевели его из досуга в промысел, а также создали условия для возникновения новых форм локального сообщества и его скрепления в целом. Ресурсные ландшафты держатся в секрете, и именно наличие этих секретов стало символической границей между местными и приезжими, своими и чужими. Рыбалка как была, так и остается интимным внутрисоциальным действием, объединяющим историю края и современность, создающим и поддерживающим солидарность и идентичность сообщества териберчан, выстраивающим границы с «пришлыми» с той разницей, что ее горизонт теперь не на море, а в «ожерелье хрустальных озер».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неформальное озерное рыболовство в селе Териберка было и остается значимым социально-экономическим и культурным институтом для локального сообщества. Однако оно претерпело ряд значительных трансформаций и обрело новые назначения, смыслы и перспективы, изменило социальную структуру териберчан и во многом определило границы идентичности рыбака. Как уже упоминалось, рыбалка, гараж и отвага — арктическая триада, витальная структура идентичности современного арктического рыбака. Именно их взаимосвязь формирует устойчивые социальные представления о северной поморской идентичности, силе духа и неуязвимости.

Репутация села Териберка исторически складывалась как репутация богатого края и центра притяжения, изобилие которого составляли морские и внутриводные ресурсы, дикоросы, добываемые благодаря труду жителей, все это богатство превращающему в семейное и коллективное благополучие. При смене политических режимов

и эколого-экономических нововведениях село подтвердило свою репутацию ресурсного места, хотя сценарий отношений с богатством изменился, как изменились и сами ресурсы: появились краб и красота, а неожиданный интерес кинематографа сделал из последней бренд, ставший «спусковым механизмом» серьезных контекстуальных перемен и интерпретаций.

Результаты исследований этноэкономических и экосоциальных институтов других регионов Российской Арктики могут быть использованы при анализе неформального рыболовства в селе Териберка и Мурманской области в целом. Практики рыболовства, охоты или сбора дикоросов как занятия и промысла создают новые формы солидарности и идентичности, а также правила секретности и выстраивания границ с другими категориями населения (с приезжими). Здесь мы наблюдаем сходство с аналогичными процессами, протекающими в Республике Саха (Якутия), а также в Камчатском крае и Сахалинской области.

Озерный лов стал теневым промыслом, утратив функцию досуга, «походики за красотой» как эмоциональное проживание озерного рыболовства сменил гараж с его инфраструктурой и распорядком и новыми схемами отношения с рынком и потоками туристов. Разумеется, размеренный «походик за красотой» отнюдь не означал отсутствия его вклада в экономику домохозяйства. Напротив, он вносил разнообразие в наличные ресурсы, подчеркивал богатство, но не был промыслом. Озерный лов скрепил локальное сообщество принципом секретности, что говорит о возникновении нового социально-экономического и культурно-экологического института, новой системы правил.

Териберка как берлога Левиафана встретила с новыми вызовами, реалиями и новым пониманием ресурса, богатства, трудовой этики и способов управления всем перечисленным. Териберка как поморское село со своей большой историей и культурой изобилия сохранила «интимность» промысла с традиционными знаниями, перенесла этот промысел с моря во внутренние водоемы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПМА — полевые материалы авторов

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2022 — с. Териберка, Мурманская обл.

Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 176 с.

Головнёв А. В. Антропология движения: (древности Северной Евразии). Екатеринбург: Волот, 2009. 495 с.

Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое лит. обозрение, 2005. 368 с.

Сергеев А. М., Коткин К. Я., Воронов В. М., Симонова В. В. Рыболовство как неформальная социальная практика сквозь призму концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10, № 3 (39). С. 111–118.

Симонова В. В. Тайны ландшафтов эвенков Северного Прибайкалья: реципрокация знаний и собирательство недревесных лесных ресурсов // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 3 (40). С. 60–78.

Симонова В. В., Самсонова И. В. Неучтенная традиция: собирательство как занятие и промысел у эвенков Южной Якутии // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 56–83.

Сирагуза Л. Вепские секреты: двуязычие, переключение кодов и практики сокрытия // Этнография. 2018. № 1. С. 185–194.

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 5. С. 109–125.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 640 с.

Цылев В. Р. Особенности жизненных стратегий жителей поселков Кольского Севера // Проблемы развития территории. 2015. Вып. 4 (78). С. 113–128.

Boas F. The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Washington: US Government Printing Office, 1897. 426 p.

Davydov V. N., Simonova V. V. Non-compliance with Fishery Regulations in Sakhalin Island: Contested Discourses of Illegal Fishery // International Journal of Humanities and Cultural Studies. 2016. Vol. 3, iss. 3. P. 232–245.

Evans-Pritchard E. Mani, a Zande Secret Society // Sudan Notes and Records. 1931. Vol. 14, pt. 2. P. 105–148.

Konstantinov Y. “Hyper-gender” asymmetries: women’s absence in illegal taking from nature (Poaching) (Notes from Bulgaria and Murmansk Region, NW Russia) // Polar Geography. 2018. Vol. 41, iss. 2. P. 217–233.

Konstantinov Y. Power and the People. The State and Peripheral Communities in the Russian Far North. Sofia: Bulgaria Palgrave Macmillan, 2023. 375 p.

Simmel G. The sociology of secrecy and of secret societies // American journal of sociology. 1906. Vol. 11, no. 4. P. 441–498.

Taussig M. Defacement: Public Secrecy and the Labor of the Negative. Stanford: Stanford University Press, 1999. 311 p.

Vladimirova V. Just Labor: Labor ethic in a post-Soviet reindeer herding community. Uppsala: Uppsala Universitet, 2006. 433 p.

Wilson E. Est’ zakon, est’ i stoi zakon: Legal and moral entitlements to the fish resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin // People and the land. Pathways to reforms in post-Soviet Siberia / ed. by E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. P. 149–168.

REFERENCES

- Bernshtam T. A. *Pomory. Formirovaniye gruppy i sistema khozyaystva* [Pomors. Group formation and economic system]. Leningrad: Nauka Publ., 1978, 176 p. (In Russian).
- Davydov V. N., Simonova V. V. Non-compliance with Fishery Regulations in Sakhalin Island: Contested Discourses of Illegal Fishery. *International Journal of Humanities and Cultural Studies*, 2016, vol. 3, iss. 3, pp. 232–245. (In English).
- Evans-Pritchard E. Mani, a Zande Secret Society. *Sudan Notes and Records*, 1931, vol. 14, pt. 2, pp. 105–148. (In English).
- Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya: (drevnosti Severnoy Yevrazii)* [Anthropology of movement: (Antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: Volot Publ., 2009, 495 p. (In Russian).
- Khantington S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST Publ., 2003, 640 p. (In Russian).
- Konstantinov Y. “Hyper-gender” asymmetries: women’s absence in illegal taking from nature (Poaching) (Notes from Bulgaria and Murmansk Region, NW Russia). *Polar Geography*, 2018, vol. 41, iss. 2, pp. 217–233. (In English).
- Konstantinov Y. *Power and the People. The State and Peripheral Communities in the Russian Far North*. Sofia: Bulgaria Palgrave Macmillan, 2023, 375 p. (In English).
- Ris N. “*Russkiye razgovory*”: *Kul'tura i rechevaya povsednevnost' epokhi perestroyki* [“Russian Conversations”: Culture and Everyday Speech during the Perestroika Era]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2005, 368 p. (In Russian).
- Sergeyev A. M., Kotkin K. Ya., Voronov V. M., Simonova V. V. [Fishing as an informal social practice through the prism of L. Wittgenstein’s concept of language games]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 2022, vol. 10, no. 3 (39), pp. 111–118. (In Russian).
- Simonova V. V. [Secrets of the landscapes of the Evenks of the Northern Baikal region: reciprocation of knowledge and collection of non-timber forest resources]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2021, vol. 17, no. 3 (40), pp. 60–78. (In Russian).
- Simonova V. V., Samsonova I. V. [An “Overlooked tradition”: Gathering as occupation and trade among the Evenkis of South Yakutia]. *Etnografia*, 2022, no. 4 (18), pp. 56–83. (In Russian).
- Siraguzo L. [Secrets of Vepsians: bilingualism, code switching and practices of concealment]. *Etnografia*, 2018, no. 1, pp. 185–194. (In Russian).
- Taussig M. *Defacement: Public Secrecy and the Labor of the Negative*. Stanford: Stanford University Press, 1999, 311 p. (In English).
- Tsylev V. R. [Specifics of life strategies of inhabitants of settlements in the Kola North]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory’s Development], 2015, no. 4 (78), pp. 113–128. (In Russian).
- Tykanova Ye. V., Khokhlova A. M. [The conflict of property rights in a post-soviet city (as exemplified by garages demolition in St. Petersburg)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2014, vol. 17, no. 5, pp. 109–125. (In Russian).
- Vladimirova V. *Just Labor: Labor ethic in a post-Soviet reindeer herding community*. Uppsala: Uppsala Universitet, 2006, 433 p. (In English).

Wilson E. Est' zakon, est' i stoi zakony: Legal and moral entitlements to the fish resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin. *People and the land. Pathways to reforms in post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002, pp. 149–168. (In English).

Submitted: 15.07.2023

Accepted: 17.12.2024

Article published: 31.12.2024